

Научная статья
УДК 811.512.37'42
DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-34-43

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЧАСТЬЯ В КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ

© **Есенова Тамара Саранговна**

доктор филологических наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
esenova_ts@mail.ru

© **Есенова Галина Борисовна**

кандидат филологических наук, ведущий специалист,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
esenovagalina93@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена концепту калмыцкой лингвокультуре *кишг* «счастье». Материалом исследования послужили данные из лексикографических источников, вербализующих концепт *кишг*. Методы исследования: интерпретативный и лингвокультурологический. Результаты: анализ показал, что калмыки ассоциируют счастье с детьми (*күүкд*, *үрн*), здоровьем (*эрүл-менд*), знанием (*сурһуль*), коллективом (*олн*), наличием скота (*унһн*, *дааһн*, *кеелтэ маштг*). Установлено, что осознание *кишг* «счастья» обусловлено социальным положением (возраст, пол), личностными качествами (трудолюбие, старание, усердие, порядочность, стойкость, сдержанность, умение преодолевать жизненные препятствия). В картине мира калмыков *счастье* наделяется способностью перемещаться (*ирх*, *орх*, *һарх*); осмысливается как нечто, что можно найти (*олх*), упустить (*алдх*), пережить (*эдлх*), чем можно наслаждаться (*жирһх*), одарить (*заях*), о чем можно мечтать (*дурдх*). К перцептивным признакам *кишг*, по мнению авторов, относятся размер (*бах*), продолжительность (*ахр*), вкус (*амт*), «крепость» (*бат*). Этнокультурная специфика осмысления счастья прослеживается в метафоре жилища, а также в комплексе мероприятий по сохранению счастья. *Кишг* присутствует в материальной культуре калмыков в виде *өлзэ* 'узел счастья', антропонимике (имена *Заян* 'Судьба, Удача', *Заяна* 'Судьба, Удача', *Заята* 'Счастливая', *Хөв* 'Счастье', *Хөвтэ* 'Счастливая', *Кишгтэ* 'Счастливая', *Кишг* 'Счастье', *Өлзэтэ* 'Счастливая', *Жирһл* 'Счастье'), жанре *йөрэл* 'благопожелание' (*Бат кишгтэ бол! Өлзэтэ бол!* 'Будь счастлив!'), что указывает на важное место концепта *кишг* в картине мира калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыцкий язык, ментальность, языковая картина мира, смыслы культуры, концептуальный анализ, семантика, стереотип, счастье, лингвокультурологический комментарий.

Благодарности

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-0790).

Для цитирования

Есенова Т. С., Есенова Г. Б. Концептуализация счастья в картине мира калмыков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 34–43.

Введение

Счастье, согласно М. Рокичу, одна из конечных ценностей, к достижению которой человек стремится на протяжении всей своей жизни [12]. В современном мире этому феномену уделяется большое внимание, о чем, в частности, свидетельствуют следующие факты. В Дании функционирует научный Институт счастья, Бутане — Министерство счастья, Гарварде с 1938 г. по настоящее время проводятся исследования феномена счастья, в которых принимают участие студенты Гарварда из обеспеченных семей и их ровесники из бедных районов Бостона¹.

Счастье изучается с научной точки зрения философами, психологами, культурологами, социологами и представителями других научных сфер. Большой интерес к изучению счастья проявляют лингвисты, рассматривающие счастье как концепт русской, якутской, хантыйской, хакасской, чувашской, адыгейской лингвокультур. Предпринимаются попытки исследования концепта на материале родственных языков, в частности, финно-угорских, тюркских языков Сибири. Концепт анализируется в сопоставительном аспекте: в русской, английской и кабардинской языковых картинах мира, в языковой картине мира эвенков и русских, русском и французском, английском и татарском, калмыцком и английском, китайском и алтайском, русском и вьетнамском языках. Уделяется внимание особенностям реализации концепта «счастье» в художественном тексте: в идиостиле А. П. Чехова, В. П. Астафьева, Л. Н. Толстого и других.

Концепт «счастье» имеет определенное освещение на материале лексики монгольских языков [11], монгольских пословиц и поговорок [7] с точки зрения мировоззрения современных монголов [6], представления концепта в обрядовом фольклоре калмыков [2] с учетом традиционного способа хозяйственной деятельности, образа жизни, географических, климатических особенностей среды обитания калмыков [4; 5]. Однако на материале калмыцкого языка специально не рассматривались образный компонент концепта и особенности его концептуализации. Этим обосновывается актуальность проведенного нами исследования.

Материал и методика исследования

Материал исследования составили словарные определения лексем, вербализующих концепт «счастье» (*кишиг, заян, аз, хөв, өлзэ, мөр, жирһл, жирһлң*), а также пословицы и поговорки, в которых представлено понимание данного феномена. Методы исследования: интерпретативный и лингвокультурологический.

¹ URL: <https://www.kp.ru/daily/27500/4760322> (дата обращения: 14.07.2024). Текст: электронный.

Результаты анализа конститутивных признаков концепта

Прежде чем обратиться к образной составляющей концепта, сосредоточим свое внимание на его конститутивных признаках. Анализ паремий позволяет выделить составляющие калмыцкого счастья:

- дети («*Күүнэ кишиг — үрн* ‘Счастье человека — дети’», «*Күүнэ кишиг — күүкдт, шовуна кишиг живртнь* ‘Счастье человека в детях, а счастье птицы — в крыльях’» [ТСКЯ, 2002, с. 69]);

- здоровье («*Өвдхлэ зовлң, эрүл менд йовхла жирһл* ‘быть больным — мучение, а быть здоровым — счастье’» [ПП, с. 166]);

- знание («*Сурһульта күн — кишигтэ, сурсн заң амнлэ һардг* ‘Образованный человек — счастливый, сила привычки — навсегда’» [ПП, с. 174], «*Сурһулин экн — жирһл, залхуһин экн — зовлң* ‘учение — источник счастья, лень — источник мучений’» [ПП, с. 167]);

- труд («*Кишигтэ күн — көдлмиш, кишва күн — аля* ‘Счастливый человек — трудолюбивый, несчастливый — праздный бездельник’» [ПП, с. 174]);

- скот («*Кишигтэ күүнд келтэ маитг* ‘У счастливого человека низкорослая жеребая кобыла’» [ПП, с. 174], «*Кишигтэ күүнэ уһһн дааһн эрк, кишиг уга күүнэ көвүн күүкн эрк* ‘У счастливого жеребятка ласковы, у несчастливой — дети капризны и избалованы’» [ПП, с. 174]);

- коллектив («*Үд өңгрхлэ, өдр уга, олнас салхла, жирһл уга* ‘Миновал полдень — уже дня нет, оторвался от массы — счастья нет’» [ПП, с. 170]);

- старание и усердие («*Нег өдрэ жирһлд миңһн өдр зүткх* ‘Чтобы быть счастливым хоть один день, прилагают усердие и старание тысячу дней’» [ПП, с. 170]);

- стойкость, преодоление страданий («*Зүдүр даавл, хоол бээнэ, зовлң даавл, жирһл бээнэ* ‘Если преодолешь трудности, будет пища, если перенесешь страдания, будет счастье’» [ПП, с. 167]);

- сдержанность («*Жирһлтэ гижэ орндан битгэ дуул, зовлңта гижэ орндан битгэ ууль* ‘От счастья и радости не пой в постели, от жизни тяжелой не плачь в постели’» [ПП, с. 171]);

- порядочность («*Агсм мөрнд амр уга, аля күнд жирһл уга* ‘У норовистой лошади нет спокойствия, у беспутного человека нет счастья’» [ПП, с. 168]);

- хорошие человеческие качества («*Сэн күүнэ кишиг давтжэ бээдг* ‘У хорошего человека счастья вдвое больше’» [ПП, с. 173]).

Паремия не только определяет качества счастливого человека, но и называет те, которые разрушают счастье человека:

- пьянство («*Әркэс жирһл уга, аляһяс олз уга* ‘Нет счастья от вина, нет пользы от праздной жизни’» [КРС, с. 230]);

- безделье («*Кишигтэ күн — көдлмиш, кишва күн — аля* ‘Счастливый человек работающ, у праздного человека нет счастья’» [ТСКЯ, 2002, с. 62], «*Сурһулин экн — жирһл, залхуһин экн — зовлң* ‘учение — источник счастья, лень — источник мучений’» [ПП, с. 167]);

- распущенность («*Агсм мөрнд амр уга, аля күмнд жирһл уга* ‘У норовистой лошади нет спокойствия, у беспутного человека нет счастья’» [ПП, с. 168]);
- буйный характер («*Агсмд жирһл уга, аляд амр уга* ‘У буйного нет счастья, у беспутного нет спокойствия’» [ПП, с. 168]);
- мечтательность («*Күсл ик күмни хөвнь баһ, көл ик күмни шааха баһ* ‘У мечтателя счастье невелико, у большеногого — обувь мала’» [ПП, с. 172]).

В языке отразилось представление калмыков, что у каждого человека есть счастье («*күн хөвэр, теңгр үүлэр* ‘человек наделен судьбой, небо тучами’» [ПП, с. 172]). Различают счастье личное («*кишигинь — минн, кергинь — чинн* ‘счастье — мое, дело — твое’» [КРС, с. 303]), семейное («*гер бүлин* ‘семейное счастье’» [КРС, с. 303]), женское (*күүкд күүнә*), мужское (*эр күүнә*), молодых (*баһ наста күүнә*), пожилых (*ик наста күүнә*) людей. Женское счастье состоит в семейной жизни («*күүкд күн сун жирһдг, залу күн йовжж жирһдг* ‘женщина наслаждается домашней жизнью, а мужчина — дорогой’» [ПП, с. 30], мужское — в работе («*эр күмни жирһл эз уга кеер* ‘счастье и блаженство мужчины — безлюдная степь’» [ПП, с.18]), счастье молодости не является истинным («*өрүн дулаг дуланд битгә тооц, өсхин жирһлиг жирһлд битгә тооц* ‘утреннее солнце — еще не тепло, счастье молодости не принимай за полное счастье’» [ПП, с. 170]), настоящее счастье человек испытывает только в старости («*өсх насдан зовлц үз, өтлх цагтан жирһл үз* ‘в молодые годы испытай горе, в старости познай счастье’» [ПП, с. 167]). При этом утверждается, что ‘счастливому человеку достается двадцатилетняя девушка’ («*хөвтә күнд хөртә күүкн*» [ПП, с. 172]). Так как традиционно калмычек выдавали замуж рано, то двадцатилетняя девушка была уже готова к семейной жизни, чем юная, неопытная девочка.

Итак, о детальном осмыслении счастья калмыками свидетельствуют выделение конститутивных признаков счастья, установление зависимости счастья от социальных признаков и личностных качеств человека.

Для определения образного компонента концепта, который представлен перцептивным и метафорическим образами, было проведено лингвокультурологическое исследование контекстов, в которых употребляются маркеры рассматриваемого концепта.

Анализ материала позволяет считать, что в калмыцкой картине мира относительно счастья человек мыслится не субъектом, а объектом. По мнению калмыков, не сам человек добивается своего счастья, а есть *Заяч* ‘всевышний, творец, создатель’, который наделяет человека счастьем-долей-судьбой: *тәвсн хөв зая* ‘наделенное судьбой счастье’ [ТСКЯ, 2020, с. 370]. Есть счастливые (*кишигтә, өлзәтә, жирһлтә, хөвтә күн* ‘счастливый’) и несчастливые (*кишва, заянго, хөв-кишиг уга, хөв дуту күн* ‘несчастливый’) люди, которых *Заяч* наделил или обделил счастьем. В контекстах с глаголом *заях* ‘осчастливливать’, ‘предопределяться’, ‘предвещать’ [КРС, с. 243] человек выступает как объект действия. *Деедс* ‘небожители, всевышний’ [ТСКЯ, 2021, с. 251], *бурхн* ‘бурхан, божество’ [КРС, с. 121], *теңгр* ‘небо, небеса’ [КРС, с. 493], *заяч* ‘всевышний, творец, создатель’ [ТСКЯ, 2021, с. 232]

назначают человеку счастье (*кишиг заях, хөв-кишиг күртэх*). Например: «*Тегэд теңэр эднд хөв-кишиг, эрүл-менд заях болтха!* ‘Пусть небеса счастьем, здоровьем наделят их!’; *Зуг мана заяч манд кишиг баһар заяжэ* ‘Только наш Заяч наделил нас небольшим счастьем’» [ТСКЯ, 2020. с. 138].

Отметим неоднозначность толкования источников счастья. Наряду с устойчивыми выражениями, в которых говорится о наделении человека счастьем-долей-судьбой *Заяч*, паремия призывает: ‘не жди, пока придет счастье, хотя и трудно, но добейся счастья’ («*кишиг ирхинь бичэ күлэ, зовлцта болв чигн, күрэд ав*» [ТСКЯ, 2002, с. 69]). «Под влиянием революционных идей о справедливом социальном переустройстве общества в калмыцком языке нового времени появились словосочетания, выражающие мысль о необходимости борьбы за свою судьбу и счастье» [10, с. 13]. Примеры из литературы советского времени демонстрируют бытование этой концепции счастья среди калмыков того времени: *Угатыһр, бидн эврэн хөв-кишигиннь төлэ ноолдх зөвтэвидн* ‘Бедняки, мы сами должны бороться за свое счастье!’ [1, х. 62].

В устойчивых оборотах речи, паремии, отражающих традиционное миропонимание народа, представлена мысль о персонификации счастья. Счастье, подобно человеку, способно к определенным действиям. Например, перемещению: *кишиг иржэһнэ* ‘везет кому-л., букв. счастье его приходит’ [КРС, с. 303], «*мөр өркэр ордг, үүдэр һардг* ‘счастье приходит через дымник, а уходит через дверь’» [КРС, с. 359], «*кишиг хэрвл, зөөц баргдна* ‘когда счастье уходит, состояние приходит в упадок’» [ПП, с. 172], *мөрнь гүүжэһнэ* ‘счастье улыбается кому-л., букв. счастье бежит’ [КРС, с. 359].

В калмыцкой лингвокультуре счастье осмысливается как нечто, что можно найти (*кишиг олх* ‘счастье найти’ [ТСКЯ, 2002, с. 69]), переживать (*хөвэн сөржэ үзх* ‘испытать счастье’ [КРС, с. 603], *жирһл эдлх* ‘испытывать счастье’ [КРС, с. 230]), чем можно наслаждаться («*кишигэн эдлэд, чикэн атхад кевтх* ‘наслаждаться счастьем, лежать да поплевывать, букв. счастьем своим пользуясь, лежать, зажав уши’» [КРС, с. 303]), о чем можно мечтать (*хөв-кишиг, амулц жирһл дурдх* ‘желать счастья, благоденствия’), что можно упустить (*кишигэн алдх* ‘упустить счастье’), исчерпать (*кишигэн барх* ‘исчерпать счастье’), пожелать другим (*бат кишигтэ бол, өлзэтэ бол!* ‘будь счастлив!’, *хөвтэ-кишигтэ болтн!* ‘будьте счастливы!’ [КРС, с. 427]), чем можно одарить (*кишиг заях* ‘осчастливить, букв. счастье свое ниспослать’ [КРС, с. 303]), можно заразить несчастьем (*хар мөрэн хальдах* ‘заразить несчастьем’ [КРС, с. 359]).

Контекстуальный анализ языкового материала позволяет выделить перцептивные признаки *кишиг*:

- размер (*кишигинь баһ* ‘небольшое счастье’);
- продолжительность («*уурлдгин насн ахр, уульдгин жирһл ахр* ‘у того, кто сердится, — век короток, у того, кто плачет, — счастье коротко’» [ПП, с. 170]; «*кишиг баргдхла, зооц чигн баһрдг* ‘когда заканчивается счастье, нажитое тоже уменьшается’» [ПП, с. 172]);

- вкус («*һашун юм идвл, амттаг меддг, һаслң амсвл, җирһлиг сандг* ‘поев горького, лучше чувствуешь вкус сладкого, испытав горе, вспоминаешь о счастье’») [ПП, с. 171];

- «крепость» (*бат кишигтә* ‘счастливый, букв. с крепким счастьем’);

- объем (*кишигән барх* ‘счастье исчерпывать’).

Счастье объективируется через противопоставление «сән-му ‘хороший-плохой’» (*сән заята* ‘счастливый человек’; *му заята* ‘несчастливый человек’); «зовлң-кишиг ‘страдание-счастье’» («*зовлң эс үзвл, җирһл олдх уга* ‘если не пережить горе, то не найти счастье’») [ПП, с. 176]). В антонимических единицах говорится о сочетании в жизни человека счастья и несчастья («*зовлң уга, җирһл уга* ‘без страданий нет счастья’») [КРС, с. 249]); актуализации счастья на фоне горя («*һашун уга, җирһл уга* ‘кто не испытал горя, тот не вкусил счастья’») [ПП, с. 168]). Замечено, что ‘человек переносит горе, но испытание счастьем не выдерживает’ («*кумн зовлң даана, җирһл даах уга*») [ПП, с. 176]), поэтому рекомендуется ‘не терять совесть и стыд в бедствии, в счастье не увлекаться весельем и забавой’ («*зовлңд битгә һутр, җирһлд битгә дашур*») [ПП, с. 180]). Иными словами, сдержанность в переживании эмоций, характерная для калмыков, должна проявляться и в счастье.

Что касается цветовой символики счастья, то специалисты отмечали колористическую характеристику красным цветом [11, с. 29]. В формульных выражениях *йөрәл* ‘благопожеланий’ содержатся элементы, которые калмыцким сознанием ассоциируются со счастьем. Например, *алтн* ‘золото’ (*алтн җола эргүлх* ‘вращать золотые поводья’ — пожелание счастливого возвращения), *цаһан* ‘белый’ (*хаалһтн цаһан болтха!* ‘счастливого пути, букв. белой дороги!’). Колористическую характеристику имеет антипод счастья — несчастье: *хар мөр* ‘беда, несчастье, букв. черная доля-счастье-судьба’ [КРС, с. 359].

Этнокультурная специфика осмысления счастья калмыками прослеживается в метафоре жилища: «*мөр өркәр ордг, үүдәр һардг* ‘счастье приходит через дымник юрты, а уходит через дверь’») [КРС, с. 359]. На наш взгляд, здесь прослеживается представление калмыков о *Заяч* ‘дух-творец’, ‘создатель’. Наделенный *Заяч кишиг* ‘счастье’ спускается в юрту сверху, через дымник, а выходит через дверь. В том, что счастье ушло, вина самого человека, не сумевшего сохранить свой *кишиг*, потому что у калмыков существует система запретов того, что нельзя делать, чтобы не упустить счастье, и что необходимо делать, чтобы сохранить его. Так, «не возвращают никогда пустую посуду» [3, с. 10–11]; с наступлением темноты «запрещают давать посторонним продукты, особенно белую пищу (молоко, сметану, масло, сливки); если же невозможно отказать просящему, от продуктов часть оставляют у себя»¹. В свадебном цикле существует «обряд *кишиг авх* ‘забрать счастье’ — срезание у невесты ногтей, которые являются символическим местом пребывания счастья, чтобы невеста оставила счастье своего рода в родительском

¹ Полевые материалы Т. С. Есеновой 2005 г.

доме, не забирала его с собой» [3, с. 10–11]. При похоронах следят, чтобы почивший «*кишигэн ардан үлдэх* ‘оставил счастье оставшимся’, для чего совершают молебны, оставляют в доме почетную часть пищи-подношения (*хотын дееж үлдэх*), которая съедается затем членами семьи»¹. Чтобы сохранить семейное счастье, следят «за чистотой домашнего очага, соблюдают запреты (нельзя плевать в огонь, бросать в него мусор, перешагивать через него)» [3, с. 16]. «По завершении цикла годов (кратных 9) совершают обряд» [6, с. 98] *нас уттулх* ‘продление возраста’. Можно заключить, что *кишиг* в культуре калмыков актуализируется в правилах поведения по сохранению *кишиг*, которые касаются ежедневной жизни, определенного времени суток, жизненных циклов.

Концепт «счастье» в культуре калмыков визуализируется в виде *өлзэ* ‘узел счастья’, который широко представлен в различных материальных объектах (одежде, украшениях, книгах, картинах, скульптуре, посуде и т. д.), представлен в жанре *йөрэл* ‘благопожелание’ (*Өлзэтэ бол! Бат кишигтэ бол!* ‘Будь счастливым!’); имеет ономастическую реализацию: в антропонимике калмыков есть имена *Заян* ‘Судьба, Удача’, *Заяна* ‘Судьба, Удача’, *Заята* ‘Счастливая’, *Хөв* ‘Счастье’, *Хөвтэ* ‘Счастливая’, *Кишигтэ* ‘Счастливая’, *Кишиг* ‘Счастье’, *Өлзэтэ* ‘Счастливая’, *Жирһл* ‘Счастье’ [8, с. 156, 158, 164, 186].

Таким образом, анализ показал неоднозначность понимания природы счастья в картине мира калмыков. С одной стороны, языковой материал дает основание считать, что относительно счастья человек представляется не субъектом, а объектом: счастьем человека наделяет *Заяч*. С другой стороны, устойчивые выражения, паремия свидетельствуют об активном отношении человека к счастью (*кишигиг ирхинь бичэ күлэ, зовлцта болв чигн, курэд ав* ‘не жди, когда счастье придет, хотя и трудно, добивайся счастья’). В картине мира счастье персонифицируется, наделяется способностью перемещаться (*ирх, орх, харх*); осмысливается как нечто, что можно найти (*олх*), упустить (*алдх*), переживать (*эдлх*), чем можно наслаждаться (*жирһх*), одарить (*заях*), о чем можно мечтать (*дурдх*). Перцептивные признаки *кишиг*: размер (*бах*), продолжительность (*ахр*), вкус (*амт*), «крепость» (*бат*). Счастье более контрастно переживается на фоне несчастья (*зовлц*); рекомендуется быть сдержанным в проявлении эмоций. Этнокультурная специфика осмысления счастья прослеживается в метафоре жилища (*мөр өркэр ордг, үүдэр хардг* ‘счастье приходит через дымник юрты, а уходит через дверь’), а также в комплексе мероприятий по сохранению счастья.

Заключение

Конститутивные признаки калмыцкого счастья: дети (*куүкд, үрн*), здоровье (*эрүл-менд*), учение (*сурһуль*), коллектив (*олн*), скот (*унһн, дааһн, кеелтэ маштг*). Выделяются личностные качества человека, которые соотносятся с счастьем: трудолюбие, старание, усердие, порядочность, стойкость, сдержанность, умение пре-

¹ Полевые материалы Т. С. Есеновой 2005 г.

одолевать жизненные препятствия; пьянство, лень, распущенность, буйный характер, мечтательность негативно влияют на человека, разрушая его счастье. Различается счастье личное (*эврэ, мини*), семейное (*өрк-булин*), женское (*күүкд күүнэ*), мужское (*эр күүнэ*), молодости (*бах наста күүнэ*), старости (*ик наста күүнэ*). Символическая осмысленность счастья в материальной и духовной культуре, использование обозначений счастья в антропонимике калмыков, благопожеланиях, а также соблюдение правил поведения и обычаев для сохранения счастья в ежедневной практике и жизненных циклах указывают на значимость концепта *кишиг* в картине мира калмыцкого народа.

Литература

1. Балакан А. Алтн бумб. Эльст: Хальмг дегтр харнач, 1974. 294 с. Текст: непосредственный.
2. Басангова Т. Г. Концепт «счастье» в обрядовом фольклоре калмыков // Этнокультурная концептология / ответственный редактор В. И. Карасик. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 42–44. Текст: непосредственный.
3. Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с. Текст: непосредственный.
4. Есенова Т. С. Концепт «счастье» в менталитете калмыков // Народы Калмыкии: проблемы национальной идентичности и менталитета / ответственный редактор А. Н. Овшинов. Элиста: КалмГУ, КТИ (филиал) ПГТУ, 2005. С. 66–73. Текст: непосредственный.
5. Есенова Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 159 с. С. 123–136. Текст: непосредственный.
6. Жуковская Н. Л. Как уберечь счастье // Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва: Наука, 1988. 195 с. С. 86–99. Текст: непосредственный.
7. Кульганек И. В. Представление о счастье в монгольских пословицах и поговорках // Б. Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX в. / главный редактор С. Чулуун. Санкт-Петербург: Наука, 2015. 218 с. С. 121–128. Текст: непосредственный.
8. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена. Элиста: Герел, 2012. 255 с. Текст: непосредственный.
9. Пюрбеев Г. Ц., Турдуматова Э. Б. Судьба // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты / ответственный редактор Т. С. Есенова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 252 с. Текст: непосредственный.
10. Убушиева Ж. А., Мушаев В. Н. Символика красного цвета в языковой традиции калмыков // Вестник БГУ. Сер. Филология. 2022. Вып. 3. С. 29–35. Текст: непосредственный.
11. Чимитдоржиева Г. Н. Понятие счастье в лексике монгольских языков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. 1(42). С. 68–76. Текст: непосредственный.
12. Rokeach M. The nature of human values. New York: The Free Press, 1973. 438 p.

Словари

- КРС, 1977. Калмыцко-русский словарь. Москва: Русский язык, 1977. 768 с.
- ПП, 2007. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.

ТСКЯ, 2002. Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2002. 176 с.

ТСКЯ, 2020. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 444 с.

ТСКЯ, 2021. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 томах. Элиста: Калмыкия, 2021. Т. 1. 574 с.

ТСКЯ, 2022. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 томах. Элиста: Калмыкия, 2022. Т. 2. 590 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 29.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.

CONCEPTUALISATION OF *HAPPINESS* IN THE KALMYKS' WORLDVIEW

Tamara S. Esenova

Dr. Sci. (Philology), Prof.,
Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia
esenova_ts@mail.ru

Galina B. Esenova

Cand. Sci. (Philology), Leading Specialist,
Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia
esenovagalina93@gmail.com

Abstract. The article deals with the concept of Kalmyk linguistic culture *кииц* 'kishg' (happiness). Study materials include data from lexicographic sources that verbalize the concept of *кииц*. We have used interpretative and linguocultural research methods. The analysis has shown that Kalmyks associate happiness with children (*күүкд*, *үрн*), health (*эрүл-менд*), knowledge (*сурһуль*), team (*олн*), cattle ownership (*унһн*, *дааһн*, *кеелтэ мааштэ*). Happiness depends on social status (age, gender) and personal qualities (hard-working nature, diligence, assiduity, decency, steadfastness, restraint, ability to overcome life's obstacles). In the Kalmyks' worldview happiness is endowed with the ability to move (*ирх*, *орх*, *һарх*); it is understood as something that can be found (*олх*), wasted (*алдх*), experienced (*эдлх*), enjoyed (*жүрһх*), dreamed about (*дурдх*), and gifted (*заях*). In our opinion, perceptual signs of *кииц* are size (*баһ*), duration (*ахр*), taste (*амт*), "strength" (*бат*). The ethnocultural specificity of the conceptualisation of happiness can be traced in the metaphor of dwelling (*mör örkär ordg*, *үүдәр һардг* 'happiness comes through the yurt's chimney and leaves through the door'), as well as in the complex of measures to preserve happiness. *Кииц* in the material culture of the Kalmyks has a form of *өлзэ* 'knot of happiness', anthroponyms (the names *Заян*, *Заяна*, *Заята*, *Хөв*, *Хөвтэ*, *Киицтэ*, *Кииц*, *Өлзэтэ*, *Жүрһл*), *йөрэл* 'good wishes' (*Bat kishgtə bol! Өлзэтэ бол! 'Be happy!'*), which shows the important place of the concept *кииц* in the world picture of the Kalmyk people.

Keywords: the Kalmyk language, mindset, linguistic picture of the world, cultural discourse, conceptual analysis, semantics, stereotype, happiness, linguoculturological commentary.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00790 “Axiological Aspect of the Kalmyks’ Worldview”.

For citation

Esenova T. S., Esenova G. B. Conceptualisation of *Happiness* in the Kalmyks’ Worldview. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2024; 3: 34–43 (In Russ.).

The article was submitted 30.08.2024; approved after reviewing 29.09.2024; accepted for publication 14.10.2024.